

С любовью и всякой липой

БАЙОПИК ДЖЕРОМА Д. СЭЛИНДЖЕРА

Василий Степанов

НА ЭКРАНЫ ВЫШЕЛ БАЙОПИК ДЖЕРОМА Д. СЭЛИНДЖЕРА «ЗА ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ», В КОТОРОМ РЕЖИССЕР ДЭННИ СТРОНГ ЗАЧЕМ-ТО ПЫТАЕТСЯ ЭКРАНИЗИРОВАТЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ДОГАДКИ КЕННЕТА СЛАВЕНСКИ, АВТОРА БИОГРАФИИ СЭЛИНДЖЕРА, — И ПРЕДСКАЗУЕМО ШТАМПУЕТ КЛИШЕ О НЕЛЕГКОМ ПИСАТЕЛЬСКОМ ТРУДЕ

НЕСМОТРЯ на неизменные отказы, которыми легендарный затворник из Корниша Джером Д. Сэлинджер отвечал на предложения Голливуда экранизировать свои произведения, его Холден Колфилд, конечно, не мог не попасть на экран, потому что представил публике нового американского героя — подростка, отрицающего лживый мир взрослых перед тем, как повзростеть. Нервного семнадцатилетнего нонконформиста, отказавшегося играть по правилам родителей, его так или иначе узнавали и в «Бунтаре без причины» (тут особой уликой служила красная куртка главного героя), и в «Выпускнике» Майка Николса, и в куда менее известном «Коллекционере» (номинально этот фильм Уильяма Уайлера, конечно, экранизация Фаулза, но красота — в глазах смотрящего). В конце концов, если нельзя снять про Колфилда, то можно снять фильм о том, как Колфилд был придуман и написан, — примерно так, должно быть, рассудил Дэнни Стронг, сценарист, обладатель ряда премий за работу над сериалом «Династия» и соавтор экранной версии «Голодных игр». Стронг известен не только как успешный голливудский деятель (он даже мелькнул в этой ипостаси в «Рыцаре кубков» Теренса Малика), но и как человек, умеющий работать с документальным материалом. По крайней мере, об этом свидетельствуют написанные им сценарии телепроектов Джея Роуча «Пересчет» и «Игра изменилась» — впечатляющие высказывания НВО о президентских кампаниях 2000-го и 2008-го. В основу «За пропастью во ржи» Стронг положил биографию, изданную Кеннетом Славенски в 2011-м, спустя год после смерти Сэлинджера. Основатель фан-сайта «Мертвые Колфилды» оказался очень внимательным читателем Сэлинджера и вместо попыток пробраться за забор уединенного жилища писателя в Корнише употребил все свои силы на интерпретацию его произведений, выискивая в них автобиографические мотивы. Хорошая стратегия, но кино — слишком буквальное искусство, чтобы экранизировать литературоведческие открытия. Одно дело рассказывать о посттравматическом синдроме сержанта Сэлинджера, подкрепляя догадки цитатами из его прозы, и совсем другое — бомбардировать зрителя покрашенными в хаки флешбэками. Фильм стартует с психбольницы и дрожащего в руке карандаша, чтобы затем повернуть назад — в 1939-й, где окончивший военное училище и изучивший в Австрии и Польше 1938-го тонкости производства колбас Джерри (Николас Холт) демонстрирует родителям свои первые литературные опыты уже в качестве студента Колумбийского университета. Страдая от отсутствия публикаций, но не от пониженной самооценки, юный Сэлинджер забрасывает своего

учителя (и по совместительству редактора журнала Story) Уита Бернетта (Кевин Спейси) все новыми рассказами, которые отвергает The New Yorker, таскается за дочерью Юджина О'Нила Уной, которая впоследствии выйдет замуж за Чарли Чаплина (не в этом ли причина раздраженности Дж. Д. Голливудом?), и вскоре отбывает на войну, которая перевернет его сознание. Но «писатель за работой» — это тебе не война. Показать творческий процесс литератора — задача для кино почти невыполнимая (что совсем недавно продемонстрировал Джармуш в своем «Патерсоне»). И Стронг старательно воспроизводит на экране клише, одно за другим: молодой писатель вытаскивает блокнот и присаживается в лобби отеля, чтобы запечатлеть на бумаге тронувшую его сцену — дети играют в шахматы; грызет карандаш, страшно стучит по клавишам пишущей машинки; обсуждает свои трудности с редактором и агентом (в роли Дороти Олдинг — замечательная Сара Полсон). Все это не выглядит смешно только благодаря самоотверженной игре Николаса Холта, который успешно интерпретирует главного героя как, в общем-то, симпатичного парня, деформированного сначала несчастной любовью, затем — войной, а после — славой. Одна из по-настоящему удачных сцен фильма связана как раз с внезапно обрушившейся на Сэлинджера популярностью. Встреча с безумным поклонником Холдена Колфилда в красной охотничьей шапочке заставляет вспомнить о том, что по роману «Над пропастью во ржи» угнали не только миллионы школьников, но и, например, убийца Джона Леннона, который именно в книге Сэлинджера вычитал зашифрованное смертельное послание. Вот на чем авторам стоило бы, возможно, остановиться подробнее. Но для Сэлинджера на экране возникший вокруг книги культ — лишь повод покинуть город, уединившись в Корнише. В причинах затворничества героя режиссеру Стронгу разбираться особо не хочется. Ему намного интереснее писать программные монологи для своих главных звезд: сначала в амплу «странный профессор» фонтанирует Кевин Спейси (не скоро мы увидим его в подобной роли), затем роль «мрачного гения» с шиком исполняет молодой Николас Холт. Но почему в этих продуманных речах и жестах так явно ощущается то, что максималист Колфилд непременно определил бы словом «липа»? Возможно, просто потому, что ни одной настоящей тайне (каковой, безусловно, является тайна затворничества Сэлинджера) не нужна разгадка. Ведь поэтому она и тайна. Тук-тук, кто в Корнише живет? Мизантроп и нигилист, честный пессимист, буддист, гений, испуганный раненый зверь? Этот вопрос должен остаться открытым. Точнее, закрытым.

В прокате с 7 декабря